

Василий Иванович Немирович- Данченко

Горе забытой крепости

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Горе забытой крепости**

Прошла неделя...

Последний баран был съеден. Каждое утро, выходя на бастионы, Брызгалов с сердечною мукою видел, что горцы не тронулись за ночь и стоят там же, где стояли вчера... Ясно было, что экспедицию в Салты задержало какое-нибудь обстоятельство, или же она потерпела неудачу. Иначе дагестанские кланы снялись бы отсюда и ринулись в горы на защиту своих аулов. Ещё оставалось несколько мешков сухарей, которых не трогали, когда было мясо... С сегодняшнего дня почали и их... Считая по самой нежной доле на каждого солдата, — продовольствия хватило бы на три дня, не более. Отбить ещё что-нибудь у неприятеля нечего было и думать; после событий, описанных в предшествующих главах, лезгины и чеченцы стали бдительны. Вокруг их отрядов целые ночи бодрствовали цепи пеших воинов, по всей долине Самура рыскали конные кабардинцы. Нельзя было даже прорваться одному человеку, чтобы дать знать в Дербент об отчаянном положении укрепления... Хоть теперь, — пока солдаты после мясного пайка, были крепки и силь-

ны, враг атаковал бы крепость, но нет... Шамиль отлично понимал, что каждый день выжидания отдаёт всё вернее и вернее победу в его руки... Он тянул время, только его удалцы подъезжали под самые башни, острословили и ругались. Гарнизон уже не отвечал им. Мрачные, изверившиеся в возможности победы солдаты молча слушали и только изредка, уже очень озлобясь, брызгали в тех свинцовым дождём...

Опять переели отбитых коней. Даже знаменитому Шамилеву — грозила такая же участь. Амед ходил бледный, не зная, что ему предпринять, а бездействие томило юношу. Незамай-Козёл лежал в лазарете и мечтал о том, что после осады он выйдет в отставку и поселится у себя в полтавской губернии, в зелёном кутке над рекой, где у него был хутор... Наконец, начался настоящий голод...

Как-то утром Брызгалов вызвал людей на площадь по барабану.

Солдаты выстроились...

— Сегодня, братцы, вы съедите последний сухарь... Больше у меня ничего нет... Остались две лошади, — сварим и их. А потом, что

мы будем делать, не знаю; но я думаю, что пока мы живы, — крепости не сдадим... Так ли, товарищи?

— Рады стараться, ваше высокоблагородие!..

— С вами жили, с вами и помрём! — отозвался Левченко. — А Самурской крепости не видать им, разбойникам...

— Ну, так вот, ребята!.. Обманывать вас я не хочу... Кому трудно, — тот выходи и пробивайся! Я не оставлю укрепления и умру на его стенах. Думаю, что нам подадут помощь... Правда, нам тяжко, — но, ведь, мы не на одну радость присягу принимали... Надежда у нас теперь на Бога!..

И он, сняв фуражку, перекрестился на скромную и маленькую крепостную церковь.

Солдаты разошлись. Стало ещё сумрачнее кругом... Съели и лошадей. Знаменитый конь Шамиля два дня кормил крепость... Потом начали варить кожу, есть всякую дрянь, которую только могли достать... Люди ходили бледные. С тоскою они всматривались в горы. Хоть бы враг сунулся, — отвести голод на нём... Погибнуть в бою, как следует честному

солдату... Но враги стояли спокойно, и каждый вечер у них зажигались костры... Наши знали, что в кострах этих варятся и жарятся бараны, пекутся лепёшки из гоми и проса... Раненые начали умирать... Ежедневно у чинары на площади рыли новую яму и опускали в неё несчастных...

— Никого у меня не останется, никого...

Раз Брызгалов увидел, как Нина шла-шла по дворику, пошатнулась и рухнула вниз. Её подняли... Девушка сильно истощала... Нашлась у кого-то щепотка чаю, — его сварили и дали ей напиток... На карагаче показались зелёные ещё плоды, их сорвали и сварили... Вышла кислая и скверная похлёбка. Но и её с жадностью глотали люди... Варили всевозможные корни, которые секреты рвали у воды... Раз в Самуре сетью вытащили несколько крупных рыб и двух больших сомов. День целый крепость питалась ими. На другой — пошли ещё на ловлю, — на противоположном берегу в камышах засели черкесы... Они убили несколько человек на выбор. Остальные вернулись. Забыли даже, что крепостные собаки были боевыми товарищами. Хотели за

них приняться, но те оказались умнее. В одно утро они не вернулись в крепость. По-прежнему исполняли сторожевую службу, — но домой не приходили. Они цепью лежали между нашими и неприятельскими позициями, но не приближались к старым приятелям... Странно было смотреть, как недавно ещё сильные и здоровые люди ходили словно тень, держась за стены... Ни кровинки в лицах... Точно предвидя это, Брызгалов заложил фугасы предварительно вокруг крепости. Теперь у его людей не хватило бы силы на эту работу. Он сам по ночам ходил голодный по кухне и искал за всеми столами, нет ли сухой корки хлеба. Наконец, в одно утро вернувшись из секретов солдаты сообщили:

— Сегодня ночью через реку наши крысы переправлялись...

— Как так?

— Так, стеною шёл гнус. Есть ему нечего, — и он оставил Самурское укрепление...

Приказа генерала нельзя было исполнить — ни крыс, ни мышей не оказалось уже у самурцев...

— Ну, братцы, теперь шабаш... Теперь они

нас руками как слепых котят заберут...

— Ещё хватит силишки курки спустить...

— Курки спустить хватит. А штыками до него дощупаться, куда...

И действительно, — ружья часто падали из рук часовых, и сами часовые вслед валялись за ними... Страшное время было... Смерть смотрела всем в очи... Но никто ещё не заикался о возможности оставить крепость...

1902